

Заключение

Из периода многообразных трансформаций последних 15-ти лет трансатлантический союз, представляющий собой комплекс отношений между США, их союзниками по НАТО и большинством других европейских стран, вышел мощной и по-прежнему жизнеспособной системой, способной оказывать существенное организующее влияние на глобальную политику. Предпринимавшиеся на протяжении 1990-х годов целенаправленные усилия по реформированию трансатлантического альянса принесли свои результаты. Мотором данной реформы стали Соединенные Штаты Америки и их ближайшие союзники из числа европейских государств, особо заинтересованных в сохранении тесного взаимодействия между двумя берегами Атлантики после завершения противостояния с СССР. В период пребывания у власти администрации Б. Клинтона США выработали «программирующий» подход к партнерству с Западной Европой, проявившей склонность к переосмыслению своего места в мировой политике после распада bipolarности. В рамках данного подхода Вашингтон прибегал к опережающему воздействию на процесс формулирования целей внешней политики европейских государств, что зачастую позволяло ему предотвращать отход своих союзников от совместной деятельности при лидерстве США и обеспечивать доступность европейских ресурсов в реализации американских внешнеполитических инициатив.

На протяжении 1990-х годов трансатлантический союз сформулировал свои новые цели, центральное место в ряду которых занимает распространение влияния трансатлантического союза в восточном направлении. Оно осуществляется как путем непосредственного расширения Североатлантического альянса, так и на неинституциональной основе — посредством участия США и европейских государств в управлении конфликтами в Восточной Европе, Средиземноморье и на Ближнем Востоке, а также с помощью программ содействия экономическому развитию и политическим реформам в государствах, расположенных к востоку от евроатлантической зоны. В начале 2000-х годов в повестке дня евроатлантического сообщества резко повысилась актуальность противодействия международному терроризму и распространению оружия массового уничтожения. Однако эти новые приоритеты

оказали двойственное влияние на единство трансатлантического союза. С одной стороны, укрепилось понимание общности интересов США, Канады и государств Западной Европы в противостоянии новым глобальным угрозам. С другой стороны, на передний план вышли разногласия среди союзников в отношении оптимальных методов противодействия данным угрозам.

Сложности в поддержании полноценного альянса между Северной Америкой и Западной Европой на протяжении полутора десятилетий после 1990 г. были связаны с эволюцией европейской составляющей трансатлантического союза и увеличивавшейся склонностью США к проведению односторонней политики с упором на силовые инструменты воздействия на международную среду.

Внутренняя консолидация объединяющейся Европы возрастает. С институциональной точки зрения, она постепенно становится своего рода «протогосударством» в лице ЕС. Эти тенденции, в сочетании с благоприятной внешней средой, обусловили сложные процессы переоценки места ЕС в мировой политике и роли США в осуществлении тех планов, которые уже сформулированы Европой или пока находятся в процессе становления. Европейский Союз тяготеет к несиловым, «мягким» методам международного регулирования и противодействия возникающим угрозам безопасности евроатлантического сообщества. Европейские государства в своем большинстве видят причины новых угроз международной безопасности в глубинных социально-экономических конфликтах и противоречиях в развивающихся государствах. Европейский Союз, соответственно, предлагает более долгосрочные программы разрешения данных проблем — в виде экономической помощи наиболее бедным и конфликтным регионам, поддержки в строительстве демократических и рыночных институтов — без радикальных мер по «смене режимов» и прямого вмешательства в дела других стран.

Желание совместить «мягкое лидерство» с сохранением преимуществ, которые ЕС получает благодаря особым отношениям с США, порождает неизбежные разногласия и противоречия в трансатлантических отношениях. «Спазмы аккомодации» во взаимодействии Европы с США в последние полтора десятилетия вызывались либо неспособностью большинства европейских государств дополнить или заменить американские ресурсы в военных операциях высокой интенсивности (Югославия, Афганистан), либо критикой со стороны европейцев американской политики силовых односторонних действий (Ирак).

Со своей стороны, США зачастую не готовы проявлять терпение в ожидании результатов европейской политики «мягкого» лидерства, как собственно в Европе, так и на более обширном пространстве Евразии. Американское руководство демонстрирует склонность к прямолинейно-волевым методам решения проблем международной безопасности. Такие методы, по мнению администрации США, способны дать хорошо прогнозируемые результаты в краткосрочной перспективе. Обосновывая необходимость бескомпромиссных силовых мер, включая превентивные удары по предполагаемым противникам США, Вашингтон указывает на изменившийся характер угроз, которые могут принять глобальные формы в чрезвычайно короткие сроки и иметь катастрофические последствия (например, в случае применения террористами оружия массового уничтожения).

Вместе с тем, события начала нового века показали, что политика односторонних действий, которой злоупотреблял Дж. Буш-мл. — вряд ли оптимальная линия в отношениях США с европейскими союзниками. Она провоцирует противоречия внутри трансатлантического союза и одновременно ограничивает возможности Вашингтона использовать ресурсы Европы. Это пока не сильно тревожит администрацию США, но вызывает обеспокоенность у довольно широких слоев американской элиты — как либеральной, так и умеренно консервативной. Данный факт дает основания предполагать, что курс односторонних действий может носить обратимый характер, хотя, конечно, не исключает и рецидивов.

В любом случае, Вашингтон будет все сильнее стремиться вовлекать союзников в совместные операции за пределами традиционных сфер американо-европейского партнерства в годы биполярной конфронтации. Интерес США заключается в том, чтобы вывести трансатлантический союз на более обширные и географически отдаленные просторы Евразии, к чему Европа в середине 2000-х годов не вполне готова. Такого рода попытки пока имели лишь ограниченный успех в виде участия стран НАТО в стабилизации обстановки в Афганистане и некоторых европейских союзников США — в иракской военной кампании. Можно прогнозировать лишь постепенное расширение географического охвата совместных американо-европейских инициатив на Средиземноморье, Закавказье и — со временем — на Ближний Восток.

В этой сфере в середине 2000-х годов важнейшими являются вопросы о последствиях включения в Европейский Союз десяти

новых членов из Центральной и Восточной Европы и Средиземноморья и дальнейшей перспективы интеграции в ЕС Турции. Если процесс адаптации Евросоюза к существованию в составе 25 участников пойдет гладко и удастся достичь согласия внутри ЕС относительно условий приема Турции, то трансатлантический союз окрепнет и получит возможность совместными усилиями расширить свое влияние на Ближний Восток. Принятая в Европейский Союз Турция будет пользоваться его финансовой поддержкой в реформировании экономики и системы государственного управления, сохраняя при этом свой военно-политический союз с Соединенными Штатами, опосредованный структурами НАТО.

Интеграция Турции в ЕС с большой степенью вероятности поставит вопрос определения места Израиля в системе американо-европейского сотрудничества. Помимо всего прочего, это будет означать, что ЕС и США придется работать над максимальным сближением подходов к палестинско-израильскому конфликту. Станут ли европейцы менее пропалестинскими, а американцы — менее произраильскими, зависит в том числе от развития самого конфликта, поэтому на определенном этапе действия палестинцев и израильтян могут оказать серьезное влияние на будущее трансатлантического союза.

Без дальнейшего расширения своего влияния в восточном направлении трансатлантический союз (не только в лице НАТО как формального института) потеряет динамику и большую часть смысла своего существования в XXI веке. В такой ситуации будут гораздо резче проявляться торгово-финансовые противоречия, а разница стратегических культур будет «играть» не на взаимодополняемость двух берегов Атлантики, а на их взаимоотдаление. Под таким углом зрения, иракские и — отчасти — афганские события середины первого десятилетия XXI века являются «трудным перевалом», от преодоления которого зависит будущее трансатлантического союза, а вместе с ним — перспективы стабильности в Европе и — шире — в Центральной Евразии.

На фоне процессов, протекающих в трансатлантических отношениях в 2000-е годы, России в ее внешнеполитической активности необходимо в полной мере учитывать стратегию распространения влияния евроатлантического сообщества на соседние с Россией регионы — как на западном, так и на южном и юго-восточном направлениях. Отстаивая свои легитимные, связанные с экономическим развитием и безопасностью интересы, России

вряд ли целесообразно вступать в прямое столкновение с США и европейскими государствами из-за влияния на страны Восточной Европы, Закавказья или Центральной Азии или побуждать эти страны к однозначному выбору между «пророссийским» или «прозападным» путями развития.

Напротив, становление современного комплекса союзнических отношений между США и странами ЕС сегодня перестает исключать участие в этом процессе в той или иной степени России — по линии всестороннего сближения с США, глубокого и органичного самовключения в экономическое и политико-правовое пространство расширяющейся Европы и подключения к американо-европейской активности на пространствах Евразии. Оптимальным вариантом политики РФ в связи с американо-европейским партнерством может быть линия «параллельного» сближения России с обоими атлантическими центрами без явно выраженной предпочтительности отношений с любым из них.

Как было отмечено, успешная адаптация трансатлантического союза к меняющимся условиям международной среды будет во многом зависеть от прогресса в его трансформации, включая расширение. При этом стоит, однако, заметить, что на восточном и юго-восточном направлениях институциональная экспансия евроатлантических институтов вскоре достигнет своих пределов. Это означает, во-первых, что трансатлантическому союзу придется выработать новые — неинституциональные — способы подключения к нему государств, которые по разным причинам не могут быть интегрированы в формальные структуры евроатлантического сообщества — НАТО и ЕС.

В такой ситуации Россия может получить дополнительные возможности для качественного изменения формы и интенсивности своего взаимодействия с институтами евроатлантического сообщества на правах полноправного партнера, даже если вопрос об официальном вхождении нашей страны в европейские структуры будет решаться медленно и, не исключено, в нестандартных «переходных» формах. При наличии политической воли сторон возможным представляется создание оригинальных механизмов взаимовыгодного углубленного участия России в трансатлантическом союзе, в то время как для самого евроатлантического сообщества интеграция-включение России может стать одним из важнейших геополитических проектов следующего десятилетия.